

СТАТЬИ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: УРОКИ ИСТОРИИ

DOI: 10.31857/S086919080029421-0

РОССИЯ/СССР – ТЮРКИЕ/ТУРЦИЯ:
«ДРУЖЕСТВЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ»
ЦЕЛИ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ТУРЕЦКОМ НАПРАВЛЕНИИ

© 2024

В.В. НАУМКИН ^а, П.П. СКОРОСПЕЛОВ ^б

^а – Институт востоковедения
Российской академии наук, Москва, Россия,
ORCID: 0000-0001-9644-9862; vinaumkin@yandex.ru

^б – Российский государственный архив
социально-политической истории, Москва, Россия,
ORCID: 0000-0002-2921-7516; pps67@rambler.ru

Резюме: Статья посвящена анализу подходов советского руководства к реализации целей внешней политики России/СССР на турецком направлении, наследие которой сохраняется вплоть до настоящего времени. Советско-турецкие отношения в 1920-е гг. выстраивались на основе общих политических интересов двух держав-соседей, находившихся в схожей геополитической обстановке. Общей целью для Турецкой Республики и для России/СССР было преодоление их международной изоляции и обеспечение национальной безопасности. Подход советского руководства к определению роли и места Турции в системе защиты границ Советской России был сформулирован наркомом по иностранным делам Г.В. Чичериным, который видел в советско-турецком сотрудничестве один из инструментов обеспечения безопасности государства на юге и юго-западе. К числу ключевых элементов российско-турецких отношений относился вопрос о черноморских проливах. Рассматривая их как «ворота» для возможного нападения на юго-западные рубежи страны, советское руководство пыталось пересмотреть режим функционирования проливов в более выгодную для Москвы сторону. Предполагалось, что сильные экономические связи с Советским Союзом и взаимовыгодное сотрудничество в области безопасности станут весомым инструментом сдерживания турецких лидеров. В годы Великой Отечественной войны важными целями политики СССР в отношении Турции являлись недопущение втягивания этой страны в войну на стороне враждебного Москве блока, а также пересмотр конвенции Монтрё (1936). Попытки оказать давление на Турцию в вопросе о проливах в 1939–1946 гг. привели к установлению враждебно напряженных отношений между двумя странами почти на два десятилетия. После смерти И.В. Сталина и, особенно в «хрущевский» период, советский подход характеризовался поиском способов улучшить отношения Москвы с Анкарой. Основным инструментом по-

добной деятельности стало нахождение точек соприкосновения в военно-политической области и расширение советско-турецкого торгово-экономического сотрудничества, благодаря которому были заложены основы сегодняшнего высокого уровня двусторонних российско-турецких отношений.

Ключевые слова: Г.В. Чичерин, СССР, Мустафа Кемаль Ататюрк, Турция, черноморские проливы, советско-турецкие отношения.

Для цитирования: Наумкин В.В., Скороспелов П.П. Россия/СССР – Тюркие/Турция: «дружественный нейтралитет». Цели советской политики на турецком направлении. *Восток (Oriens)*. 2024. № 1. С. 6–24. DOI: 10.31857/S086919080029421-0

RUSSIA/USSR – TÜRKİYE/TURKEY: LEGACY OF “FRIENDLY NEUTRALITY” GOALS OF SOVIET POLICY TOWARDS TURKEY

© 2024

Vitaly V. NAUMKIN ^a, Pyotr P. SKOROSPELOV ^b

^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9644-9862; vinaumkin@yandex.ru

^b – Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2921-7516; pps67@rambler.ru

Abstract: *The article analyzes the Soviet leadership's approaches to the foreign policy towards Turkey and their legacy nowadays. The Soviet-Turkish relations in the 1920s were based on common political interests between the two states existing in a similar geopolitical environment. Both countries' common goal was to overcome international isolation and ensure national security. The Soviet government's view on Turkey's role in border safety was outlined by People's Commissar for Foreign Affairs G.V. Chicherin, who considered the Soviet-Turkish cooperation a tool for ensuring security of southern and southwestern Soviet borders. The Black Sea straits question was a key issue in the Soviet-Turkish relations. Considering the straits a “gateway” for an attack on the USSR's southern borders, the Soviet government tried to revise the straits' regime in a more favorable way. The revision of the 1936 Montreux conference was not completely suitable for the Soviet government. During the Great Patriotic War, the USSR's policy towards Turkey was aimed to prevent it from participating in the war on the enemy side, as well as to revamp the Montreux Convention more favorably for the Soviet leaders. The 1939–1946 attempts to put pressure on Turkey on the straits issue caused it to withdraw from the orbit of Soviet influence and led to almost two decades of tense relations between the countries. After the death of I.V. Stalin, particularly in Khrushchev's era, the Soviet government sought to improve Soviet-Turkish relations, mainly expanding the trade and economic cooperation, building the foundation for today's highly developed bilateral Russian-Turkish relations.*

Keywords: G.V. Chicherin, USSR, Atatürk, Turkey, Black Sea straits, Russian-Turkish relations, NATO.

For citation: Naumkin V.V., Skorospelov P.P. Russia/USSR – Türkiye/Turkey: Legacy of “Friendly Neutrality” Goals of Soviet Policy towards Turkey. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 1. Pp. 6–24. DOI: 10.31857/S086919080029421-0

ВВЕДЕНИЕ

История отношений между Россией и Турцией носит весьма непростой характер. Попытки османов захватить Запорожье и Левобережную Украину¹, наряду с набегами крымских татар, сменились после объединения Московского царства и Войска Запорожского борьбой Российского государства с Османской империей за выход к Черному морю, что повлекло за собой серию русско-турецких войн. Как известно, в период с 1676 по 1918 гг. их было одиннадцать. События этих столетий в истории русско-турецких отношений хорошо изучены². К сожалению, не так далеко отстоящие от нас события прошлого века, когда отношения между Турецкой Республикой и Советским Союзом развивались по иной логической схеме, изучены значительно хуже³. Сейчас, когда Анкара последовательно проводит курс на «стратегическую автономию» в мировых делах, а Москва отстаивает, в том числе вооруженным путем, свои приоритетные национально-государственные интересы, опыт политики Советской России/СССР на турецком направлении представляет значительный интерес. Как Кремль в отношениях с Турцией пытался реализовать фундаментальный принцип советской внешней политики: по соседству с Советской Россией/Советским Союзом не должно быть сильных враждебных государств?

«ИЗБЕГАТЬ РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТОВ С ТУРЦИЕЙ
ПО МЕЛКИМ ТЕКУЩИМ ДЕЛАМ»

В конце второго десятилетия XX века Россия и Турция вступили в период коренной трансформации своей государственности, прежняя модель которой потерпела крах: в первом случае – в результате большевистской революции, во втором – поражения Османской империи в Первой мировой войне. Обе страны переживали острый кризис национальной идентичности и стали объектом агрессивной экспансии Запада во главе с Антантой, где при всей громадной разнице между двумя случаями на кон для обеих стран было поставлено само продолжение их самостоятельного существования. Революционное руководство Советской России, помимо противодействия иностранной интервенции, выхода из гражданской междоусобицы 1918–1922 гг. и войны с Польшей 1919–1921 гг., было занято решением задач государственного строительства, включая и бывшие окраины Российской империи. Важную роль играла задача обеспечения безопасности границ будущего союзного государства, в том числе на южном направлении. В этом контексте развернутая в Турции в 1919 году национально-освободительная борьба турецких патриотов под предводительством Мустафы Кемаль-паши⁴ вызвала, благодаря своему антиимпериалистическому запалу, широкие симпатии в Советской России.

26 апреля 1920 г. Мустафа Кемаль обратился к В.И. Ленину с предложением установить дипломатические отношения между Турцией и Советской Россией и с просьбой к последней оказать Анкаре помощь. Это не означало, что Кемаль-паша испытывал симпатии к коммунистам в его стране. Как он подчеркивал позднее, в письме к Ленину 4 января 1922 г., трансформация в Турции не приняла форму социальной революции, как в России, а «возникла как восстание против заграницы» [РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 1520, л. 1]. Одной

¹ Еще в 1669 г. гетман Правобережной Украины П.Д. Дорошенко подписал соглашение о переходе в подданство султана, надеясь с его помощью объединить всю Украину под своей властью.

² См., например: [Жуков, 2009; 2012; *Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия)*, 1999; Kurat, 2011; Finkel, 2005].

³ См.: [Stefanos, 2000; *СССР и Турция, 1917–1979*, 1981; İşçi, 2019].

⁴ Мустафа Кемаль-паша 24 апреля 1920 г. был избран на пост председателя Великого национального собрания Турции.

из черт сходства двух стран, по его оценке, был факт их «борьбы против капитализма и империализма» [Там же].

Наркоминдел РСФСР (а затем СССР) в 1918–1930 г. Георгий Васильевич Чичерин⁵ стал одним из главных инженеров *«разворота на Турцию»*. Как известно, советское руководство приняло решение оказать Ататюрку (так стали называть турецкого лидера с 1934 г.) помощь золотом и оружием (подробнее см: [Васильев, 2018]). И эта помощь была весьма значительной: общий объем переданных турецкому правительству финансов составил более 12 млн руб. золотом, которые были потрачены на выплату жалования чиновникам и военнослужащим, в также на закупку вооружений за рубежом [Müderisoğlu, 2013, p. 518]. В течение 1920–1922 гг. в Турцию было направлено 39 тыс. винтовок, 327 пулеметов и 63 млн патронов, 54 орудия, 147 тыс. снарядов, большое количество ручных гранат и другого военного снаряжения, передано 12 аэропланов, несколько боевых кораблей [ДВП, т. III, 1959, с. 675]. Полученные средства были сопоставимы с годовым бюджетом Анкары [Hirst, İşçi, 2020, p. 838].

Чичерин постоянно требовал ускорить выполнение обещаний, данных Анкаре. 27 сентября 1920 г. Чичерин сообщал В.И. Ленину «о катастрофичности положения кемалистов вследствие отсутствия военного снаряжения» [РГАСПИ, ф. 159, оп. 2, д. 57, л. 3]. Критически рассматривая ситуацию на этом направлении, наркоминдел подчеркивал неотложный характер оказания обещанной помощи Турции, ибо промедление после данных обещаний «заставит Мустафу Кемалье смотреть на нас как на болтунов и обманщиков». Но еще более существенным, по его мнению, было то, что Турция могла оказаться раздавленной, в то время как помощь, необременительная для России даже в условиях ее слабых ресурсов, «имела бы и практически, и морально, большое значение». Невыполнение же своих обещаний, по мнению наркома, дискредитировало политику России и подрывало «ее громадный авторитет и влияние на Востоке» [РГАСПИ, ф. 159, оп. 2, д. 57, л. 2]⁶.

16 марта 1921 года в Москве был подписан Договор о дружбе и братстве между представителями Великого национального собрания Турции во главе с Юсуфом Кемальбеем (1878–1969)⁷ и правительства РСФСР (Совета народных комиссаров) во главе с Г.В. Чичериным. Договор фиксировал территориальное размежевание между двумя державами, констатировал солидарность Москвы и Анкары в борьбе против империализма и что важно – передавал окончательную выработку статуса проливов будущей конференции прибрежных государств [Сборник действующих договоров, 1924, с. 155–160].

В конце 1921 года в Анкару была направлена чрезвычайная военно-политическая миссия во главе с командующим Вооруженными силами Украины и Крыма М.В. Фрунзе, которая находилась в Турции с 25 ноября 1921 по 16 января 1922 гг. В одобренной И.В. Сталиным 6 октября 1921 г. инструкции для Фрунзе подчеркивалась необходимость учета во всех контактах с турецкой стороной того обстоятельства, что его поездка, идея

⁵ Чичерин, Георгий Васильевич (1872–1936) – народный комиссар иностранных дел РСФСР, затем СССР в 1918–1930 гг., член ЦК ВКП(б) в 1925–1930 гг.

⁶ В письме в Политбюро ЦК РКП(б) от 28 июня 1920 г. [РГАСПИ, ф. 159, оп. 2, д. 57, л. 2–2об6] Наркоминдел обрушивается с критикой на военное ведомство, обращая внимание партийного руководства страны на просьбу наркомата по иностранным делам, адресованную и непосредственно военным, и ЦК РКП(б), выделить 23 человека для работы в Турции, Персии, Афганистане, Индии и на Дальнем Востоке с учетом того, что восточный отдел Академии Генштаба готовит «работников для Востока». Однако после почти трехнедельных хлопот почти все они были отправлены на западный фронт. И это несмотря на то что большинство знали восточные языки, более половины были мусульманами, а подготовленных кадров для отправки на запад вполне хватало и без них. Нарком рассматривал это не как иначе, чем «своеобразную форму противодействия нашей восточной политике», которое, в частности, могло привести к «провалу революционной борьбы в Турции».

⁷ Он занимал пост министра иностранных дел в 1921–1922 гг.

которой была выдвинута в момент наиболее тяжелого военного положения Анкары, будет расцениваться ею «как яркая демонстрация неизменности нашей дружественной политики по отношению к Турции» [РГАСПИ, ф. 558, оп. 2, д. 18, л. 1] В то же время инструкция свидетельствовала о том, что советское руководство тщательно взвешивало все риски, связанные со сближением с Турцией: «По тому обстоятельству, как располагаются турецкие войска, Вы можете заключить и сообщить нам, насколько реальной является опасность поворота кемалистов в активной борьбе против нас в случае их соглашения с Антантой» [РГАСПИ, ф. 558, оп. 2, д. 18, л. 1об]. Руководство РКП(б) с помощью миссии Фрунзе планировало выяснить не только то, является ли турецкая армия «боеспособным военным фактором», но и убедиться, что этот фактор «не намерен обратиться против нас» (!) [РГАСПИ, ф. 558, оп. 2, д. 18, л. 1об].

Как пишет о том времени современный нам турецкий историк Онур Ишчи: «Начиная с 1920 года, советско-турецкие отношения развивались под влиянием недовольства сложившимся после войны миропорядком. Националисты-турки и интернационалисты-большевики, имперские предшественники которых в течение четырех столетий соперничали между собой, теперь сблизились друг с другом на антиимпериалистической, как считала каждая из сторон, основе» [İşçi, 2020(1), p. 733]. Вряд ли можно оспорить утверждение турецкого коллеги о том, что в основе их сотрудничества лежало «**геополитическое выстраивание**» щита, который бы прикрывал черноморский регион от западных поползновений, а также общее стремление сторон к созданию современной государственности. Как метко выразился еще один современный историк, Сэмюэл Хёрст, продолжавшийся в течение всего межвоенного периода складывающийся общий курс Анкары и Москвы можно было удачно назвать **антивестернистским**, и «это было содержательное партнерство».

Стратегия отношений на турецком направлении была изложена Чичериным в направленной в Политбюро 14 июня 1924 г. записке – она была озаглавлена им «Политические тезисы об отношениях между СССР и Турцией». Главными из них, по мнению наркоминдела, были два:

- избегать, насколько возможно, «конфликтов с Турцией по мелким текущим делам»;
- считать лучшим средством для установления дружественных отношений с Турцией развитие нашего экономического сотрудничества с этой страной [РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1328, л. 43].

Разве это не звучит вполне современно?

Чичерин отмечал, что «истощение Турции и полное расстройство ее народного хозяйства устраняет при настоящих условиях возможность ее участия в военных действиях против СССР. Лишь в случае наступления в СССР полной политической катастрофы и несомненной безнаказанности турецкого вторжения на Кавказ, можно считать с этой возможностью». Далее наркоминдел обращал внимание на натянутость отношений Турции с другими великими державами и завершал свою экспозицию тезисом об историческом недоверии Турции к России, что негативно сказывалось на отношениях между соседями [РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1328, л. 45].

19 июня предложения Чичерина были одобрены Политбюро ЦК РКП(б)⁸ [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 444, л. 2].

Турецкое руководство, в свою очередь, также тщательно взвешивало все плюсы и минусы новых отношений с Москвой. В одном из докладов полпреда СССР в Турции Я.З. Сурица отмечалось, что Анкара осознает общность интересов Турции и Советской России, однако сомневается, достаточно ли сильна Россия, чтобы Турция могла решиться открыто связать с ней свою судьбу до конца. При всем росте международного веса

⁸ С декабря 1925 г. – Политбюро ЦК ВКП(б).

Советов Турция пока не решалась «перенести центр тяжести своей политики на Восток» и все еще возлагала большие надежды на Лигу Наций, «судорожно боясь каких бы то ни было военных осложнений» в условиях переживаемого ей кризиса. [РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1328, л. 84]

Политические отношения между СССР и Турцией получили дополнительный импульс в 1925 г. после заключения нового договора между СССР и Турцией. 12 января 1925 года Чичерин писал в Политбюро РКП(б): «Нынешний турецкий мининдел Ш. Кая⁹ просил нас предложить формулу соблюдения *дружественного нейтралитета* (выделение наше. — Авторы) в случае войны одной из сторон с третьими державами» [РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1128, л. 76]. Эта идея была закреплена в постановлении Политбюро от 15 января, которым был утвержден проект дополнительного договора между СССР и Турцией¹⁰. Однако по неизвестным нам причинам (видимо, из-за опасений турецкой стороны) эта формулировка была позднее изменена¹¹. В договоре говорилось просто о нейтралитете. В письме Сурица Чичерину со ссылкой на турок говорится о формуле *благожелательного* нейтралитета как «максимуме, на что они могли согласиться» [РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1128, л. 83]. Новый, «расширенный» договор о ненападении и нейтралитете в случае конфликта с третьей державой (державами), который был подписан 17 декабря в Париже, способствовал обеспечению безопасности границ СССР на Кавказе и в бассейне Черного моря, хотя при этом турки и побоялись связать себя конкретными обязательствами по вопросу о проливах [*Сборник действующих договоров*, 1927, с. 9–10]¹².

Договорная база послужила основой для многопланового стратегического взаимодействия двух стран. Его важным компонентом стало военно-техническое сотрудничество, которое следует рассматривать в контексте общих установок российского руководства того времени, касающихся государств Востока. К примеру, 3 февраля 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило «считать целесообразным и своевременным от случайного отпуска оружия восточным государствам перейти к планомерному и систематическому внедрению советского оружия в армии восточных государств» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 4, л. 58]. В рамках этого курса продолжались поставки вооружений Анкаре в 1920-е и 1930-е гг. Например, 14 августа 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило для продажи туркам в счет 8-миллионного кредита номенклатуру и ориентировочное количество «предметов вооружения»¹³ [РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 17, л. 7]. А 20 октября того же года говорилось уже о новых партиях оружия¹⁴.

⁹ Шюкрю Кая.

¹⁰ С изменением статьи 1-й следующим образом: «В случае военных действий против одной из договаривающихся сторон со стороны третьего государства или третьих государств, другая договаривающаяся сторона обязуется сохранять по отношению к договаривающейся стороне дружественный нейтралитет» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 2, л. 58].

¹¹ Политбюро 26 ноября 1925 г. (Протокол № 92, особый № 71) постановило в пункте 16: «Во изменение постановления Политбюро от 15 января 1925 г. (протокол № 45, особый № 32) исключить из текста статьи 1 договора перед словом «нейтралитет» слово «дружественный». А пункт 1в гласил: «Вставить в договор пункт о взаимном ненападении» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 2, л. 199]. Однако сама формула «дружественного нейтралитета» вполне подходит для характеристики российско-турецких отношений на их различных этапах.

¹² Этот вопрос проходит красной нитью через всю систему взаимоотношений Москвы и Анкары.

¹³ В список входили, в частности, 12 танков Т-26, танкетки Т-37А (амфибия), 60–70 трехосных грузовиков ЗИС-6, 435 двухосных грузовиков ЗИС-5, 42 трехосных броневые автомобили БАИ, 5 тыс. пистолетов ТТ, 350 мин образца 1926 г., 120 антипараванных мин (параван – буксируемое устройство для защиты корабля от мин), 300 гидростатических бомб и т.д. [РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 17, л. 7].

¹⁴ В том числе Политбюро, к примеру, постановило увеличить количество поставляемых танков Т-26 с 42 до 63 штук и обязало Наркомат обороны передать Наркомвнешторгу для Турции к 1 апреля 1935 г. 1 300 снарядов к 203-мм гаубицам и 14 000 снарядов к 122-мм гаубицам, к 1 декабря 1934 г. 105 штук 45-мм танковых пушек с комплектом снарядов, к 1 января 1935 г. 250 ударных мин образца 1926 г., 120 противопараванных мин и другие вооружения [РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 17, л. 78].

Поставки вооружений в Турцию шли вплоть до конца 1930-х годов. Однако это направление сотрудничества было не единственным. Советские власти, исходя из общего стратегического видения перспектив развития турецкой экономики, стремились поддерживать турецкую промышленность кредитами. В постановлении Политбюро от 19 июня 1924 г., [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 444. л. 11–12] подчеркивалось: «Признать безусловно необходимым проведение в кратчайший срок в советском порядке экономических мероприятий, которые должны содействовать нашему сближению с Турцией, без ущерба для нас». В этой связи можно упомянуть о таком программном документе, утвержденном Политбюро ЦК ВКП(б) 12 августа 1926 года, как проект постановления о торговой политике со странами Востока, где говорится, что «развитие экономических связей СССР с Турцией, Персией, Афганистаном, Западным Китаем и Монголией имеет для СССР как экономическое, так и политическое значение» и что СССР «является естественным крупным рынком сбыта провенансов этих стран» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 580, л. 9]¹⁵. Политбюро 7 мая 1932 г. приняло предложение Сталина, Молотова и Ворошилова о предоставлении турецкому правительству долгосрочного кредита в 16 млн рублей (!) сроком на 20 лет на оборудование для текстильной и военной промышленности Турции с уплатой в натуре, с ежегодными взносами [РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 12, л. 129]. Полученные от СССР средства составили около трети суммы капиталовложений в турецкую промышленность по так называемому пятилетнему плану развития промышленности Турецкой Республики, принятому в 1932 г. [*Россия и черноморские проливы*, 1999, с. 399; İşçi, 2014, р. 399].

В период между мировыми войнами СССР и Турецкая Республика активно искали форму военно-политического взаимодействия. Обсуждалась и возможность военно-политического союза. Зондажные беседы по поводу перспектив заключения соглашения о совместной обороне проливов, включая возможность базирования советского флота в Измире, велись в 1934, 1936 и 1939 гг. по инициативе турецкой стороны [РГАСПИ, ф. 17, оп. 166, д. 566, л. 79; ДВП, т. XXII, 1992, с. 326]. Сам факт их свидетельствовал о доверительном характере отношений между Анкарой и Москвой.

«ПРОХОД ЧЕРЕЗ ПРОЛИВЫ В ЧЕРНОЕ МОРЕ ЗАКРЫТЬ ДЛЯ ВОЕННЫХ КОРАБЛЕЙ ВСЕХ КЛАССОВ НЕЧЕРНОМОРСКИХ ГОСУДАРСТВ»

Касаясь ключевого вопроса, решение которого традиционно считалось исключительно важным для обеспечения безопасности юго-западных рубежей СССР, – о черноморских проливах, следует отметить, что режим их демилитаризации, закрепленный в 1923 г. Лозаннской конвенцией, мог существовать только в условиях крайне слабой Турции. Поэтому не удивительно, что, начиная с 1933 г., турки начинают ставить вопрос о демилитаризации черноморских проливов, параллельно ведя с Москвой зондажные переговоры о заключении пакта взаимопомощи [*Россия и черноморские проливы*, 1999, с. 400–401]. Турецкое правительство выбирает благоприятный момент для пересмотра режима проливов после введения германских войск в Рейнскую область (март 1936 г.) и в режиме блица достигает своих целей. 11 апреля Анкара направляет государствам, участвовавшим в Лозаннской конференции (Великобритании, Болгарии, Греции, Франции, Италии, Японии, Румынии, СССР, Югославии), ноту с предложением в кратчайшие сроки заключить новое соглашение о режиме функционирования проливов [*Россия и черноморские проливы*, 1999,

¹⁵ При этом внешняя политика СССР в их отношении, как говорилось, способствовала бы росту их народного хозяйства и эволюции к более прогрессивным формам хозяйства, «что будет содействовать освобождению стран Востока от закабаления их капиталистическими странами».

с. 400–401]. Предварительно турецкому правительству удастся заручиться британской поддержкой в этом вопросе.

Советская позиция на конференции, которая начала работать в Монтрё 22 июня 1936 г., определилась директивами, данными Политбюро М.М. Литвинову¹⁶ 5 мая:

- проход через проливы в Черное море закрыть для всех военных кораблей нечерноморских государств;

- в военное время настаивать на неразрешении прохода военных кораблей, кроме Турции [РГАСПИ, ф. 17, оп. 166, д. 559, л. 86].

По мнению Литвинова (в телеграмме «пятерке» Политбюро от 23 июня), «мы должны иметь полную свободу распоряжений своими морскими силами, расположенными в разных морях» [АВПРФ, ф. 59, оп. 1, п. 217, д. 1565, л. 1–5]. Эта мысль наркоминдела была конкретизирована в директиве Политбюро от 7 июля: «Считаем необходимым добиться неограниченного [зачеркнуто Сталиным и вместо этого вписано карандашом «безусловного»] права вывода наших настоящих и будущих судов из Черного моря без какого-либо ограничения тоннажа» [РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 214, л. 23]. Фактически речь шла о позиции, которую Россия придерживалась в вопросе о режиме функционирования черноморских проливов еще с XVIII в.

Конференция в Монтрё продолжалась недолго (с 22 июня по 21 июля), но проходила в весьма напряженной обстановке: турки отчаянно лавировали между СССР и Великобританией, а Литвинов нервничал, что не удастся достигнуть поставленных ему целей. Как он докладывал он в Москву, СССР добивается «ограничения прав Англии, Италии, Японии и других держав [по свободному доступу их военных кораблей в Черное море], не имея никаких средств давления на них», Турция готова удовлетвориться демилитаризацией проливов [*Россия и черноморские проливы*, 1999, с. 422]. Судьбу конференции решил достигнутый Литвиновым компромисс с британцами [РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 214, л. 11–12]. В итоге СССР получил возможность выводить свой Черноморский флот в Средиземное море в мирное время и существенное ограничения по возможности нахождения судов нечерноморских держав в Черном море. Но Сталин, однако, не был полностью доволен конвенцией Монтрё, обвиняя, как это ему было свойственно, дипломатов в «чрезмерной уступчивости» [РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 214, л. 18]. Это недовольство Сталина серьезным образом скажется на советско-турецких отношениях уже спустя три года. В октябре Тевфик Рюштю Арас¹⁷ по указанию премьер-министра Исмета Инёну делает предложение Литвинову о заключении двухстороннего пакта, в соответствии с которым СССР обязуется помогать Турции в защите Анатолийского берега и проливов, а Турция – закрыть проливы в случае нападения на СССР [РГАСПИ, ф. 17, оп. 166, д. 566, л. 79]. Однако многообещающее предложение оказалось нереализованным из-за противодействия Великобритании [İşçi, 2020(1), p. 749–750].

Дипломатический блиц в Монтрё вскрыл суть расхождений между Москвой и Анкарой: если для СССР принципиальное значение имело закрытие Черного моря для внерегиональных держав и основным инструментом для этого Москва считала «эксклюзивное партнерство» с Турцией, то для турецкого правительства, стремящегося опереться на Великобританию для парирования своей уязвимости в Средиземноморье, нужно было балансировать между Москвой и Лондоном [İşçi, 2020(1), p. 749–750].

После Мюнхена (сентябрь 1938 г.), когда стал ощущаться нажим немцев в ближайшем геополитическом окружении СССР, идет активизация усилий Москвы по строительству своей зоны безопасности, которые весной 1939 г. приобретают системный характер.

¹⁶ Нарком по иностр. делам (иностр. дел с 1936) СССР (21.7.1930–3.5.1939).

¹⁷ С 1920 г. – посол Турецкой Республики в Москве, в 1925–1938 гг. – министр иностранных дел Турции.

Советское руководство было обеспокоено методами, используемыми Гитлером в отношении Австрии, Чехословакии и Данцига с Мемелем (этот город с 1945 г. стал называться Клайпедой), и 28 марта Литвинов вручает представителям Эстонии и Латвии в Москве непубличную декларацию – своего рода одностороннюю гарантию защиты прибалтийских стран со стороны СССР [Дюллен, 2019, с. 334]. В ней заявлялось, что СССР не может оставаться безучастным наблюдателем в случае роста экономического и политического влияния Германии, тем более территориальных уступок в ее пользу [Заявление Литвинова Рею 28 марта 1939 г. *ДВП*, т. XXI, кн. 1, с. 233; запись беседы Литвинова с посланником Латвии Фрицисом Кациньшем. *Там же*, с. 232]. Схожее предупреждение получила и Румыния: «мы не могли бы оставаться безучастными зрителями допущения господства какого-либо агрессивного государства в Румынии и создания каких-либо опорных точек вблизи наших границ или в черноморских портах» [Литвинов – Сталину, 27 марта 1939 г. *Там же*, с. 230].

14 апреля начинаются переговоры с Великобританией и Францией о возможной помощи восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями в случае агрессии германской армии. При этом Политбюро было убеждено в необходимости иметь и отдельный договор с участием Турции (соответствующее обращение было направлено Молотовым Инёню 15 апреля) [*ДВП*, т. XXI, кн. 1, с. 278–279]. 21 апреля в Кремле состоялось совещание с участием Сталина, Молотова, Микояна, Кагановича, Ворошилова, Литвинова, замнаркоминдела В.П. Потемкина, полпреда в Великобритании И.М. Майского, полпреда в Германии А.Ф. Мерекалова и советника полпрества во Франции Крапивенцева, на котором обсуждались «желательность блока» с западными демократиями. Обсуждалась на этом совещании и тема проливов, а также визита Потемкина в Анкару с целью зондажа позиции Турции на предмет пакта [Майский, 2006, с. 382]. Литвинов с излишним оптимизмом относился к перспективам советского дипломатического наступления, – «без нас остановить агрессию в Европе невозможно» и «чем позже к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят», – писал он Мерекалову 4 апреля [Литвинов – Меркалову, 4 апреля 1939 г. *ДВП*, т. XII, кн. 1, с. 252–253].

Итоги визита Потемкина в Анкару, как казалось, подтверждали оптимистичный настрой советского НКВД. Но пока Москва безуспешно пыталась договориться с Великобританией и Францией и неожиданно договорилась с Германией, Турция весьма далеко продвинулась в переговорах с «западными демократиями», что самым прямым образом сказалось на ходе советско-турецких переговоров в Москве (22 сентября – 18 октября 1939 г.). Визит в Москву турецкого мининдела М. Шюкрю Сараджоглу (в 1942–1946 гг. он был также премьер-министром Турции) проходил на фоне дипломатического блица, связанного со вторым приездом в Москву Иоахима Риббентропа 27–29 сентября 1939 г., переговорами с латышами (28 сентября) и немного позднее, в октябре – с финнами. Шло активное, хотя и не всегда успешное, дотраивание советской зоны безопасности по периметру западных и южных границ.

К переговорам с Сараджоглу в НКВД серьезно готовились. Там полагали, что «турецкое правительство считает возможным заключение советско-турецкого пакта о взаимопомощи в районе Черного моря и проливов, а также Балкан» и что после «проявленного Англией и Францией предательства в отношении Польши или их бессилия оказать ей сколько-нибудь реальную помощь, быть может, не представилось бы затруднительным убедить турок, что неопределенным и неоформленным обязательствам взаимной помощи, декларируемым Турцией, Англией и Францией, туркам следовало бы предпочесть более надежные гарантии взаимопомощи, связывающие Турцию и СССР» [*АВП РФ*, ф. 6, оп. 1, п. 17, д. 177, л. 85–86]. По мнению Ближневосточного и Правового отделов НКВД переговоры было «целесообразно использовать для нейтрализации некоторых неудобных и стеснительных

для нас положений Конвенции о режиме проливов от 20 июля 1936 г., а именно – предложить туркам во изменение статей 20 и 21 Конвенции решать вопросы о проходе через проливы кораблей внерегиональных держав “в порядке консультации с СССР”» [АВП РФ, ф. 6, оп. 1, п. 17, д. 177, л. 80, 83]. После предварительной беседы Сараджоглу со Сталиным и Молотовым (1 октября) состоялось три раунда советско-турецких переговоров (9, 13 и 16 октября), а также беседа Сараджоглу с Ворошиловым.

В ходе первого раунда Молотов объясняет турецкому министру «существенные изменения» в советской политике, связанные с заключением договора с Германией («переговоры, которые мы вели в течение длительного времени показали, что Англия и Франция не хотят заключать пакт, это игра с их стороны», они «пытались столкнуть нас лбами с Германией», «это означало бы громадную войну – мировую»). В конце Молотов поднимает вопрос о так называемой «просоветской оговорке в связи с трехсторонним соглашением Турция-Англия-Франция» («Турция не будет никогда в войне с СССР, такая просоветская оговорка сформулирована», – отвечает на это Сараджоглу) [АВП РФ, ф. 6, оп. 1, п. 17, д. 177, л. 4 и далее].

В ходе второго раунда 13 октября Молотов и Сараджоглу обсуждают, во вполне конструктивном ключе, содержание возможного советско-турецкого соглашения. Сараджоглу объясняет суть турецкой позиции: «Турция не хочет терять ни Англии, ни СССР», «цель советско-турецкого и англо-турецкого пактов – создать нечто вроде моста». В конце беседы Молотов «в предварительном порядке» поднял вопрос о режиме проливов, что заставило Сараджоглу нервничать [АВП РФ, ф. 6, оп. 1, п. 17, д. 177, л. 39–40].

Третий раунд (ему предшествовала встреча Сараджоглу с Ворошиловым) был целиком посвящен проливам. По словам Молотова, Москву в первую очередь интересует вопрос о проливах и было «сформулировано конкретное предложение, принятие которого является необходимым условием для заключения пакта о взаимопомощи» (речь шла о согласованных действиях двух держав по применению ст. 20 и 21 Конвенции Монтрё, для чего предлагалось дополнительно провести специальные переговоры) [АВП РФ, ф. 6, оп. 1, п. 17, д. 177, л. 40]¹⁸. Это предложение вызвало резкую реакцию со стороны Сараджоглу: «Я в Москве не для того, чтобы обсуждать вопрос о проливах», «всему свету известно, что проливная проблема была проблемой царского империализма». Молотов парирует: «Не только для меня, но и [для] тов. Сталина и Совпра будет неожиданно, что со стороны Сараджоглу мы встретили такую оппозицию». «И когда я ехал сюда не думал, что этот вопрос встанет», – отвечает на это турецкий министр. На этом переговоры и завершились [АВП РФ, ф. 6, оп. 1, п. 17, д. 177, л. 48–49, 57].

18 октября был заключен англо-франко-турецкий договор о взаимопомощи. Как пишет О. Ишчи, получив от англичан как вооружения и военную технику, так и значительный займ в золоте, Турция еще получила и договор, полностью соответствующий интересам ее безопасности и внешнеполитическим целям. «Турция вовлекалась в конфликт, только если бы она подверглась нападению; если бы нападению подверглись ее союзники, она лишь обещала сохранять благожелательный нейтралитет» [İşçi, 2019, p. 68]. Реакция советских дипломатов на произошедшее была достаточно пессимистической. Как докладывал Молотову советский полпред в Анкаре, если англичане и французы попытаются провести свои военные и вспомогательные корабли, груженные войсками и военными материалами,

¹⁸ Протокол по вопросу о предстоящих переговорах между СССР и Турцией по применению конвенции о режиме проливов [АВП РФ, ф. 6, оп. 1, п. 17, д. 177, л. 60]. НКВД был также подготовлен проект протокола о режиме проливов, предусматривавший консультации двух держав по вопросу о проходе военных кораблей третьих стран в проливы и в Черное море в мирное и военное время [АВП РФ, ф. 6, оп. 1, п. 17, д. 178, л. 43].

через проливы в Черное море, «нет никакого сомнения в том, что турки пойдут на всякие уступки англичанам и французам в этом деле» [ДВП, т. XXII, кн. 2, с. 268].

Ситуация в советско-турецких отношениях достигла точки кипения после начала «зимней войны» с Финляндией, в ходе которой Великобритания и Франция активно разрабатывали планы нападения на СССР, включая воздушные бомбардировки основных центров нефтяной промышленности на Кавказе, а турецкое правительство вело себя здесь крайне двусмысленно, о чем свидетельствовали французские дипломатические документы, с удовольствием опубликованные немцами после разгрома Франции¹⁹.

С началом гитлеровского нападения на СССР Турция 25 июня 1941 г. объявила о своем нейтралитете, который она стремилась соблюдать, несмотря на сильный нажим на нее со стороны Германии. Турецкий нейтралитет устраивал советскую сторону. В ходе встречи Сталина с Энтони Иденом в декабре 1941 г. Сталин даже предложил вознаградить Турцию, предоставив ей в качестве компенсации за нейтралитет Додеканезы, населенный турками район Болгарии к югу от Бургаса. Кроме того, «полезно было бы также передать Турции некоторые острова Эгейского моря, закрывающие выходы из ее важнейших портов» [ДВП, т. XXIV, с. 502].

На Тегеранской конференции вопрос о проливах обсуждался по инициативе британской стороны. По словам Черчилля, Великобритания не имела никаких возражений против того, чтобы Россия получила выход к теплым морям. В ответ Сталин заметил, что для этого надо пересмотреть режим проливов: «Такая большая страна оказалась запертой в Черном море... Если теперь англичане не хотят душить Россию, то необходимо, чтобы они облегчили режим проливов» [*Советский Союз на международных конференциях*, т. II, 1978, с. 141]. Во время пребывания Черчилля и Идена в Москве в октябре 1944 г. в разговоре с ними Сталин вновь вернулся к этому вопросу и получил от Черчилля заверения, что англичане благоприятно относятся к идее пересмотра режима проливов [*Советский Союз на международных конференциях*, т. IV, 1979, с. 201]. На Ялтинской конференции Сталин продолжает энергично вести линию на пересмотр конвенции Монтрё: «Этот договор устарел и изжил себя. Турции дано право закрыть проливы, когда она этого пожелает. Необходимо изменить <...> порядок без ущерба для суверенитета Турции». [*Советский Союз на международных конференциях*, т. IV, 1979, с. 201–202].

В начале февраля 1945 г. замнаркоминдел С.И. Кавтарадзе и полпред в Анкаре С.А. Виноградов подготовили позиционный документ, ставший основой для переговоров по проекту нового режима функционирования проливов. Представленный ими проект опирался на исторический опыт взаимодействия России и Турции. В частности, в положительном ключе упоминался период конца XVIII – 1-й трети XIX в. (Константинопольские союзные договоры 1799 и 1805 гг. и, конечно, Ункяр-Искелесийский договор 1833 г., в котором предусматривалось закрытие проливов для военных кораблей нечерноморских государств при предоставлении черноморским странам неограниченной свободы такого прохода). Предполагалось аннулировать конвенцию Монтрё и признать Черное море, при сохранении свободы торгового мореплавания, закрытым для военных кораблей нечерноморских стран с предоставлением военным кораблям черноморских стран полной свободы прохода из Черного в Средиземное море и обратно. Проект предусматривал признание за СССР и Турцией (либо за конференцией черноморских стран) права установить путем двустороннего соглашения обязательную для всех держав регламентацию режима проливов. Предполагалось также предоставление СССР (или в виде альтернативной позиции – всем черноморским державам) права участвовать вместе с Турцией в контроле над применением нового режима. В целях реализации данных предложений США и Великобритания должны

¹⁹ Подробнее о т.н. деле Массиллы см.: [İşçi, 2020(2)].

были бы согласиться с особым характером Черного моря как закрытого и рекомендовать турецкому правительству согласиться на предоставление Советскому Союзу военно-морских и воздушных баз в проливах.

Как подчеркивали Кавтарадзе и Виноградов, «наиболее выгодным для СССР решением вопроса было бы сочетание двухстороннего советско-турецкого соглашения о проливах, подкрепленного реальными гарантиями его проведения в жизнь, с соглашением между тремя великими союзными державами, предусматривающим непротиводействие Англии и США указанному двухстороннему советско-турецкому соглашению» [АВП РФ, фонд В.М. Молотова, оп. 7, п. 47, д. 761, л. 1–19].

19 марта 1945 г. В.М. Молотов заявляет турецкому послу в Москве Селиму Рауфу Сарперу (в 1944–1946 гг.)²⁰, что Советское правительство желает денонсировать советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете 1925 г. как не соответствующий новой обстановке и нуждающийся в улучшении. Посол не был удивлен такой постановкой вопроса, и в течение двух месяцев он и премьер-министр (в 1942–1946 гг.) Мехмет Шюкрю Сараджоглу продумывали оптимальную для Турции стратегию в этом вопросе, консультируясь при этом с Виноградовым [АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 47, д. 756, л. 80–81; İşçi, 2023, p. 627, 632]. 7 и 19 июня 1945 г. посол нанес два визита В.М. Молотову, чтобы обсудить проект нового договора, но был встречен холодно. Молотов заявил, что для того, чтобы завоевать советскую дружбу, туркам необходимо вернуть СССР восточные вилаеты, «которые вы взяли у нас, когда мы вышли из войны в 1918 г. весьма слабыми». Также он требовал предоставить СССР возможность держать военные базы в проливах. К такому повороту событий Сарпер не был готов. Турки были категорически против советских баз в проливах в мирное время и против поднятия территориального вопроса. Переговоры опять были поставлены «на паузу» [АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 47, д. 758, л. 1–14].

На Потсдамской конференции 22 июля 1945 г. Советский Союз выдвинул требование изменить режим проливов и предъявил территориальные претензии к Турции, потребовал вернуть Карс, Артвин и Ардаган Грузинской и Армянской ССР. Трумэн и Черчилль выразили по сути формальное согласие на изменение конвенции Монтрё, однако при этом их позиция заключалась в свободе прохода через проливы, что противоречило интересам Москвы. На переговорах в Потсдаме 23 июля 1945 г. Черчилль выразил уверенность, что Турция никогда не согласится на русскую базу в проливах. В ответ Сталин заявил:

«Положение большого государства, такого как Россия, в отношении проливов имеет большое значение. Договор в Монтрё весь целиком направлен против России, это – враждебный России договор: Турции предоставлено право закрывать проливы для нашего судоходства не только в том случае, когда война идет, но и в том случае, если Турции кажется, что есть угроза войны, причем, когда эта угроза наступает, решает сама Турция. Невозможное положение! Ей, Турции, всегда может показаться, что какая-то угроза есть и она всегда может закрыть проливы. У нас, у русских, ровно столько же прав или даже меньше прав, чем у японского императора в отношении этих проливов, Это смешно, но это факт. Выходит, что маленькое государство, поддерживаемое Англией, держит за горло большое государство и не дает ему проходу. Можно себе представить, какой шум поднялся бы в Англии, если бы такой договор существовал в отношении Гибралтара, или в Америке, если бы такой договор существовал в отношении Панамского канала. Отсюда вопрос о том, чтобы была дана возможность свободного прохода туда и обратно нашим кораблям. Но так как Турция слаба и сама не может отстоять возможности свободного прохода в случае каких-либо осложнений, то мы должны иметь какую-либо гарантию, что эта

²⁰ В дальнейшем, в 1960–1962 гг. Сарпер, турок албанского происхождения, будет министром иностранных дел Турции.

свобода прохода будет обеспечена <...> Вы считаете, что военно-морские базы в проливах неприемлемы. Хорошо, тогда дайте нам какую-нибудь другую базу, где бы русский флот мог чиниться, экипироваться и где бы он мог совместно со своими союзниками отстаивать права России, Вот как обстоит дело. Но оставлять положение в том виде, как оно сейчас существует, смешно. Я кончил» [РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 236, л. 20].

7 августа Советское правительство отправило ноту правительствам Англии, США и Турции с изложением своих взглядов на планируемый режим проливов. Предполагалось, что проливы должны быть всегда открыты для прохода торговых судов всех стран; они должны быть всегда открыты для прохода военных судов черноморских стран; проход через проливы военных судов нечерноморских стран запрещен за исключением особых случаев; установление режима проливов должно являться компетенцией Турции и других черноморских стран; Турция и СССР организуют совместную оборону проливов для предотвращения использования их другими государствами во враждебных целях [*Внешняя политика СССР*, т. VI, 1947, с. 458–460]. Заручившись поддержкой США, Турция отвергает советские предложения [İşçi, 2023, р. 642]. 24 сентября 1946 г. последовала вторая нота Советского правительства, в которой турецкое правительство обвинялось в нарушении конвенции Монтрё в годы войны и выдвигались идеи совместной обороны проливов и установления их нового режима на конференции черноморских стран [*Россия и черноморские проливы*, 1999, с. 480]. Территориальный вопрос и вопрос о базах в ноте не поднимался, что свидетельствовало о сильном элементе блефа в запросной позиции Москвы. В ответных нотках США и Англия подтвердили свое согласие на созыв новой конференции о режиме проливов, а Турция советские претензии отклонила.

Таким образом, к концу 1946 г. все попытки СССР по изменению режимов проливов окончились провалом, и положения конвенции Монтрё оказались законсервированными вплоть до наших дней [Сотниченко, 2010, с. 227]. Напуганная советскими претензиями, Турция взяла курс на вступление в западный блок государств, завершившееся ее принятием в НАТО. Советское давление было воспринято турками сквозь призму своего исторического антагонизма с Россией («Страх перед возможностью захвата проливов Россией был укоренен в сознании всех классов в Турции», – отмечал американский посол [FRUS, 1943, vol. IV, doc. 1120]). На турецком направлении советской дипломатии наступил длительный период охлаждения и взаимной настороженности. Как отмечалось в указаниях послу СССР в Турции от 29 марта 1948 г., «учитывая, что политика нынешнего турецкого правительства ведет к превращению Турции в англо-американский военный плацдарм против СССР, посольство СССР в Турции не должно проявлять инициативы в стремлении к улучшению отношений с Турцией» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 39, л. 41].

Постфактум советские руководители – Молотов и Хрущев – оценивали проект советско-турецкого condominiumа над проливами как серьезную политическую ошибку Сталина («это было несвоевременное, неосуществимое дело» [Чуев, 2000, с. 52]) Хрущев, вспоминая о советском демарше в отношении проливов в феврале 1945 г., так с иронией говорил участникам Июньского Пленума ЦК 1957 г.: «давайте напишем ноту, и сразу нам Дарданеллы отдадут. Таких дураков нет. Дарданеллы не Турция, там теперь сидит узел государств..., мы потеряли дружественную Турцию...» [РГАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 161, л. 223–224].

«ФОРМАЛЬНЫЙ ЧЛЕН НАТО»

Ситуация начала меняться только после смерти Сталина. Формирование новых подходов к позиционированию СССР в мировых делах в те дни происходило весьма стремительно. Уже в марте 1953 г. начался поиск решений по ключевым вопросам безопасности в Азии,

прежде всего корейскому. В апреле – мае МИДом, с активным участием членов Президиума ЦК, был разработан ряд новых предложений по германскому вопросу, и практически в это же время последовали крупные инициативы советской дипломатии в отношении Ирана и Турции, направленные на налаживание отношений с восточными соседями.

30 мая 1953 г. В.М. Молотов сделал устное заявление послу Турции, в котором говорилось: «Во имя сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности правительства Армении и Грузии сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции. Что же касается вопроса о проливах, то Советское Правительство пересмотрело свое прежнее мнение по этому вопросу и считает возможным обеспечение безопасности СССР со стороны проливов на условиях одинаково приемлемых как для СССР, так и для Турции. Таким образом, Советское Правительство заявляет, что Советский Союз не имеет никаких территориальных претензий к Турции» [*Очерки истории МИД*, 2002, с. 377].

Казалось, что после таких примирительных жестов полная нормализация отношений между Москвой и Анкарой должна была произойти сама собой. Однако, столкновение интересов двух держав на Ближнем Востоке – в ходе сирийского кризиса 1957 г. и, особенно, ближневосточного кризиса 1958 г. – дважды приводило к ситуации балансирования на грани войны в советско-турецких отношениях [Наумкин, 2008; Скороспелов, 2022(1–2)]. Так, получив в разгар ближневосточного кризиса данные о том, что высадка американских и английских войск в Ливане и Иордании является подготовительным этапом для нанесения военного удара по ОАР и Ираку и что Турция, при поддержке других стран Багдадского пакта²¹, возьмет на себя инициативу в развязывании военной агрессии, СССР проводит масштабные военные маневры. Их целью было удержать Турцию от выступления против Ирака и Сирийского района ОАР. Наряду с мероприятиями стратегического сдерживания, КГБ и ГРУ готовили серию «специальных мероприятий», направленных на дестабилизацию союзников США, в том числе с активным задействованием «курдского фактора», крайне болезненного для Турции [Серов, 2017, с. 545]. Советский посол в Анкаре в беседах с руководством страны говорил о неминувости большой войны в случае вторжения турок в Ирак [*FRUS*. 1958–60, vol. XII, p. 583, No. 1].

В результате кризиса 1958 г. барьер системы противостоящих Советскому Союзу военных блоков на юге был серьезно расшатан. Турки и иранцы, как едко заметил Хрущев в беседе с Мао Цзэдуном: «боятся нас, как черт лаdana» [*РГАНИ*, ф. 52, оп. 1, д. 498, л. 131]. Настало время для дипломатии. Первым дрогнул шах Ирана, который был сильно напуган ближневосточным кризисом 1958 г. В итоге трехлетнего дипломатического марафона (переговоры затянулись из-за жесткого англо-американского давления на шаха) в феврале 1962 г. Иран принял на себя обязательство не размещать на своей территории иностранных ракетных баз. По сходному сценарию развивалась ситуация и вокруг Турции, хотя переговоры с Анкарой шли сложнее. В июне 1960 г., после военного переворота в Турции, когда было свергнуто проамериканское правительство Аднана Мендереса, Н.С. Хрущев направляет председателю Комитета национального единства (и будущему президенту Республики) Джемалю Гюрселю личное послание, в котором предлагает туркам перейти на позиции нейтралитета. Предложение было отвергнуто [*АВП РФ*, ф. реф. по Турции, оп. 76, п. 11, д. 359, л. 5].

Ситуация поменялась только после начала в 1963 г. Кипрского кризиса. Турки были полны решимости помешать энзису (объединению) Кипра с Грецией, даже путем приме-

²¹ Что касается Ирака, то после свержения монархии 14 июля, он перестал участвовать в работе Багдадского пакта, а 24 марта 1959 г. Ирак вышел из него официально (все органы Пакта были переведены в Анкару еще 23 октября 1958 г.) [*Ежегодник БСЭ*, 1959, с. 461].

нения военной силы. В июне 1964 г. на Кипре высадились турецкие войска. О масштабе конфликта наглядно свидетельствовали боевые действия в воздухе: 8 августа позиции греческих сил подверглись бомбардировке 34 реактивными самолетами ВВС Турции, а 9 августа в налете участвовали уже 64 самолета [АВП РФ, ф. реф. по Турции, оп. 76, п. 11, д. 358, л. 48]. Фактически речь шла о военно-политическом конфликте между двумя членами Североатлантического альянса, в ходе которого Турция столкнулась с пусть завуалированным, но жестким давлением со стороны США.

В этих условиях посольство СССР фиксирует растущее желание турок заручиться поддержкой Москвы в кипрском вопросе. Советский посол Н.С. Рыжов докладывал в Центр 24 октября: «Создаются благоприятные объективные предпосылки для активации нашей работы в Турции, причем перспективы советско-турецких отношений будут зависеть от нашей позиции в кипрском вопросе» [АВП РФ, ф. реф. по Турции, оп. 76, п. 11, д. 358, л. 57]. В ноябре 1964 г. в ходе визита в Москву министр иностранных дел Турции Феридун Джемаль Эркин делает попытку заручиться такой поддержкой. 5 ноября Громыко заявил Эркину, что СССР готов сделать публичное заявление в пользу федеративного устройства Кипра [и против энотизиса], «имея в виду, что и турецкая сторона пойдет навстречу нашим пожеланиям». Речь шла об отказе от участия в многосторонних ядерных силах НАТО (как это сделала ранее Норвегия) и об отказе от предоставления иностранным государствам ракетных баз на своей территории (как это сделал Иран) [АВП РФ, ф. реф. по Турции, оп. 76, п. 354, д. 12, л. 46]. На это Эркин ответил, что Турция уже приняла решение не участвовать в многосторонних ядерных силах НАТО, а 24 декабря он заявляет советскому послу, что турецкое правительство намерено положительно решить и второй вопрос [АВП РФ, ф. реф. по Турции, оп. 76, п. 354, д. 12, л. 46]. Фактически Турция переходит на норвежскую модель членства в НАТО.

В мае 1965 г. Президиум ЦК берет курс на «коренное улучшение отношений с Турцией». Речь шла о развитии тех договоренностей, которые были достигнуты между А.А. Громыко и Дж. Эркиным в ноябре 1964 г. Теперь ставилась задача уменьшения военной активности Турции в НАТО, имея целью вывод из-под командования НАТО турецких дивизий (как это делает Франция, отмечалось в предложениях МИД). «Если формально сейчас решить вопрос невозможно – можно было бы договориться о фактическом осуществлении этой меры», – говорилось в инструкциях Громыко к его беседам с руководителями Турции в мае 1965 г. Для восстановления с Турцией «отношений взаимопонимания и доверия» предлагалось наращивать контакты с турецкими политическими и экономическими деятелями, активизировать сотрудничество в области экономики (реализуя крупные проекты в гидроэнергетике, металлургии, а также снабжая Турцию нефтью и нефтепродуктами) и т.д. Турция рассматривалась как «ворота» на Ближний Восток. «Когда США увязли в своих агрессивных действиях в Юго-Восточной Азии, улучшение советско-турецких отношений может рассматриваться наряду с дальнейшим укреплением позиций СССР в ОАР, Алжире и Сирии, как одна из наших важнейших внешнеполитических задач стратегического характера» [РГАНИ, ф. 3, оп. 16, д. 694, л. 100–112].

Изменение характера советско-турецких отношений позволило поставить на повестку дня вопрос об усилении военно-морского присутствия СССР в Средиземном море. В том же месяце было принято решение о создании нештатной оперативной смешанной эскадры Черноморского флота (будущей 5-й ОПЕСК) для действий в этом регионе. В ее составе в 1965 г. несли боевую службу 28 подводных лодок, 24 надводных корабля и 37 вспомогательных судов [Спирин, 2006, с. 102–103].

В декабре 1975 г. Косыгин, посетивший Анкару для участия в торжествах по случаю ввода в строй Искендерунского металлургического комбината, сооруженного при техни-

ко-экономическом содействии Советского Союза, так оценивал промежуточные результаты этой политики: «Да, Турция состоит в блоке НАТО, и на ее территории расположены иностранные базы. Но, как заверил меня Демирель²², состоя в этом блоке, они не подчиняют национальные интересы Турции интересам этой организации. Иностранные базы находятся под полным контролем турецких властей... В ходе нынешних переговоров ... [турки] подтвердили и готовность принимать все необходимые меры для бесперебойного прохода советских торговых и боевых кораблей через Босфор и Дарданеллы» [Hirst, İşçi, 2020]. Подтверждением этому стал проход черноморских проливов первым советским авианесущим крейсером «Киев» в июле 1976 г. [Спирин, 2006, с. 84].

Заложенные в 1960–1970-е гг. тенденции в советско-турецких отношениях определили не только тактику советской дипломатии на турецком направлении на краткосрочный и среднесрочный периоды, но и характер советско-турецких отношений в долгосрочной перспективе. Советская стратегия содействия Турции в построении современной промышленности принесла к 1980-м гг. свои результаты. Оставаясь страной НАТО, Турция тем не менее находилась в тесной кооперации с СССР. Ее правительство, осознавая выгоды от сотрудничества с СССР и риски от столкновения с ним, вело политику балансирования между сверхдержавами

* * *

Оглядываясь назад на историю российско-турецких отношений в советский период, нельзя не поразиться прозорливости Г.В. Чичерина, проявившейся в его оценках отношений между нашими странами, данных в записке от 14 июня 1924 г. Созданная при его активном участии модель российско-турецких отношений оказалась на удивление устойчивой и послужила образцом для выстраивания отношений и с другими соседними державами в XX веке, в частности, как нам представляется, с Китаем (в КНР ее называют «спина к спине»)²³. Вместе с тем нельзя не отметить, что данная модель устойчиво функционирует в условиях стабильного баланса сил. Однако «безнаказанность», о которой писал столетие назад наркоминдел, может порождать различного рода геополитические искушения вроде тех, которые и сегодня испытывают на прочность российско-турецкие отношения.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации, Москва, Россия [*AVP RF* – Foreign Policy Archive of the Russian Federation, Moscow, Russia].

ДВП – Документы внешней политики СССР [*Documents of Foreign Policy of the USSR*. (in Russian)].

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории, Москва, Россия [*RGANI* – Russian State Archive of Contemporary History, Moscow, Russia].

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории, Москва, Россия [*RGASPI* – Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow, Russia].

FRUS – Foreign Relations of the United States Series.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Васильев А.Д., Миссия М.В. Фрунзе в Анкару в архивных документах, оценках участников и исследователей. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 2. С. 60–69 [Vasiliev A.D. Mikhail

²² Сулейман Демирель – в то время премьер-министр Турции. В 1993–2000 гг. – президент.

²³ Подробнее см.: [Скороспелов, Наумкин, 2022].

V. Frunze's Mission to Ankara as Reflected in Archive Documents, References of the Participants, and Researchers. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2018. No. 2. Pp. 60–69 (in Russian)].-

Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. VI (сентябрь 1945 – февраль 1947). М.: Госполитиздат, 1947 [*Foreign Policy of the USSR. Collection of Documents*. Vol. VI (September 1945 – February 1947). Moscow: Gospolitizdat, 1947 (in Russian)].

Документы внешней политики СССР. Т. III. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. М.: Госполитиздат, 1959 [*Documents of Foreign Policy of the USSR*. Vol. III. July 1, 1920 – March 18, 1921. Moscow: Gospolitizdat, 1959 (in Russian)].

Документы внешней политики СССР. Т. XIX. М.: Госполитиздат, 1974 [*Documents of Foreign Policy of the USSR*. Vol. XIX. Moscow: Gospolitizdat, 1974 (in Russian)].

Документы внешней политики СССР. Т. XXII. 1939. Кн. 1. Январь-август. М.: Международные отношения, 1992 [*Documents of Foreign Policy of the USSR*. Vol. XXII. 1939. Book 2. January-August. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1992 (in Russian)].

Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 г. – 1 января 1942 г. М.: Международные отношения, 2000 [*Documents of Foreign Policy of the USSR*. Vol. XXIV. June 22, 1941 – January 1, 1942. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2000 (in Russian)].

Дюллен С. *Уплотнение границ. К истокам советской политики. 1920 – 1940-е гг.* М.: Новое литературное обозрение, 2019 [Dullin S. *La frontière épaissie. Aux origines des politiques soviétiques 1920–1940*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019 (Russian translation)].

Ежегодник Большой Советской Энциклопедии 1959. М.: Советская Энциклопедия, 1959 [*Annual of the Great Soviet Encyclopedia 1959*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1959 (in Russian)].

Жуков К.А. Некоторые узловые моменты русско-турецких отношений в конце XVII – начале XX вв. *Вестник СПбГУ. Серия 13. Востоковедение. Африканистика*. 2009. № 2. с. 10–22 [Zhukov K.A. Some landmarks in the course of the history of Russo-Turkish relations from the end of the 17th to the beginning of the 20th Century. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13. Asian Studies. African Studies*. 2009. No. 2. Pp. 10–22 (in Russian)].

Жуков К.А. Формирование представлений об Османской империи в России в XVIII – начале XX в. *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. 2012. № 1. С. 36–49 [Zhukov K.A. Images of the Ottoman Empire in Russia (from the 18th – to the Beginning of the 20th Century). *Moscow University Oriental Studies Bulletin*. 2012. No. 1. Pp. 36–49 (in Russian)].

Майский И.М. *Дневник дипломата*. Кн. 1. 1934 – 3 сентября 1939. М.: Наука, 2006 [Maysky I.M. *Diary of a Diplomat*. Book 1. 1934 – September 3, 1939. Moscow: Nauka, 2006 (in Russian)].

Наумкин В.В. Два кризисных года на Ближнем Востоке. *Восток (Oriens)*. 2008. № 6. С. 5–17 [Naumkin V.V. Two Crisis Years in the Middle East. *Vostok (Oriens)*. 2008. No. 6. Pp. 5–17 (in Russian)].

Очерки истории МИД. Т. 2. 1917–2002 гг. Отв. ред. А.В. Торкунов. М.: ОЛМА-Пресс, 2002 [*Essays on the History of the Ministry of Foreign Affairs*. Vol. 2. 1917–2002. Ed. by A.V. Torkunov. Moscow: OLMA-Press, 2002 (in Russian)].

Россия и черноморские проливы. XVIII–XX столетия. М.: Международные отношения, 1999 [*Russia and the Black Sea Straits. 18th – 20th Centuries*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999 (in Russian)].

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. I. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1-го января 1924 года. Народ. комиссариат по иностр. делам СССР; Сост. А.В. Сабанин, М.М. Воскресенский. М.: Б. и., 1924 [*Collection of treaties, agreements and conventions with foreign states. Issue I. Current treaties, agreements and conventions that entered into force before January 1, 1924. People. Commissariat for Foreign Affairs affairs of the USSR*; Comp. A.V. Sabanin, M.M. Voskresensky. Moscow, 1924 (in Russian)]. <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/134320-sbornik-deystvuyuschih-dogovorov-soglasheniy-i-konventsiiy-zaklyuchennyh-s-inostrannymi-gosudarstvami-vyp-i>

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. III. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1925 года и 1 мая 1926 года. Народ. комиссариат по иностр. делам СССР; Сост. А.В. Сабанин, А.Г. Шахов. М.: Литиздат Н.К.И.Д., 1927 [Collection of treaties, agreements and conventions with foreign states. Issue III. Current treaties, agreements and conventions that entered into force before January 1, 1925 and May 1, 1926. People. Commissariat for Foreign Affairs affairs of the USSR; Comp. A.V. Sabanin, A.G. Shakhov. Moscow: Litizdat of the People's Commissariat for Foreign Affairs, 1927 (in Russian)]. <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136246-sbornik-deystvuyuschi-dogovorov-soglasheni-y-i-konventsiiy-zaklyuchennyh-s-inostrannymi-gosudarstvami-vyp-iii>

Серов И.А. *Записки из чемодана*. М.: Просвещение, 2017 [Serov I.A. *Notes from a Suitcase*. Moscow: Prosveschenie, 2017 (in Russian)].

Скороспелов П.П. «Особый способ осуществления внешней политики путем угрозы войной империалистам». Военно-политическая деятельность Президиума ЦК при Н.С. Хрущеве (1953–1964). Часть 1. *Восток (Oriens)*. 2022(1). № 2. С. 9–28 [Skorospelov P.P. “A Special Form of Making Foreign Policy by the Threat of War to Imperialists”. A Case Study of Military-Political Activity of Central Committee Presidium under N.S. Khrushchev, 1954–1964. Part 1. *Vostok (Oriens)*. 2022(1). No. 2. Pp. 9–28 (in Russian)].

Скороспелов П.П. «Особый способ осуществления внешней политики путем угрозы войной империалистам». Военно-политическая деятельность Президиума ЦК при Н.С. Хрущеве (1953–1964). Часть 2. *Восток (Oriens)*. 2022(2). № 3. С. 6–30 [Skorospelov P.P. “A Special Form of Making Foreign Policy by the Threat of War to Imperialists”. A Case Study of Military-Political Activity of Central Committee Presidium under N.S. Khrushchev, 1954–1964. Part 2. *Vostok (Oriens)*. 2022(2). No. 3. Pp. 6–30 (in Russian)].

Скороспелов П.П., Наумкин В.В. «Силам социализма выгодно, чтобы американцы крепче завязли в Юго-Восточной Азии». Президиум ЦК КПСС и определение стратегической линии СССР во Второй индокитайской войне в 1965 году. *Восток (Oriens)*. 2022. № 6. С. 6–28 [Skorospelov P.P., Naumkin V.V. “It Is Favorable to the Forces of Socialism to Keep the Americans in South-East Asia Longer”. The Presidium of the CPSU Central Committee in the Determination of the Strategic Line of the USSR in the Second Indochina War of 1965. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 6. Pp. 6–28 (in Russian)].

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.): Сб. док. Министерство иностранных дел СССР. М.: Политиздат, 1978 [The Soviet Union at international conferences during the Great Patriotic War. Vol. II. Tehran Conference of the leaders of the three Allied Powers – the USSR, the USA and the UK (November 28 – December 1, 1943). Collection of Documents. Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Moscow: Gospolitizdat, 1979 (in Russian)].

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.): Сборник документов. Министерство иностранных дел СССР. М.: Политиздат, 1979 [The Soviet Union at international conferences during the Great Patriotic War. Vol. IV. The Crimean Conference of the leaders of the three Allied Powers – the USSR, the USA and the UK (February 4–11, 1945). Collection of Documents. Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Moscow: Gospolitizdat, 1979 (in Russian)].

Сотниченко А.А. Пролог «Холодной войны». Турецко-советские противоречия в 1945–1950 гг. в условиях формирования Ялтинской системы международных отношений. *Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2010. № 2. С. 218–234 [Sotnichenko A.A. Prologue to the Cold War. Turkish-Soviet Controversies in 1945–1950 during the Formation of the Yalta International

Relations System. *Proceedings of the History Faculty of Saint Petersburg State University*. 2010. No. 2. Pp. 218–234 (in Russian)].

Спирин А.Н. *Роль Черноморского флота в защите национальных интересов СССР/России в бассейне Средиземного моря (вторая половина XX в.)*. Дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. М., 2006 [Spirin A.N. *The Role of the Black Sea Fleet in the Protection of the USSR/Russia's National Interests in the Mediterranean Sea Basin (Second Half of the 20th Century)*. PhD Thesis. Moscow, 2006 (in Russian)].

СССР и Турция, 1917–1979. Отв. ред. М.А. Гасратян, П.П. Моисеев. М.: Наука, 1981 [*USSR & Turkey, 1917–1979*. Eds: M.A. Gasratian, P.P. Moiseev, Moscow: Nauka, 1981 (in Russian)].

Чуев Ф.И. *Молотов: Полудержавный властелин*. М.: Олма-Пресс, 2000 [Chuev F.I. *Mototov: Poludержavnyi Vlastelin*. Moscow: Olma-Press, 2000 (in Russian)].

Finkel C. *Osman's dream: the story of the Ottoman Empire, 1300–1923*. London: John Murray, 2005.

Hirst S., İşçi O. Smokestacks and Pipelines: Russian-Turkish Relations and the Persistence of Economic Development. *Diplomatic History*. 2020. Vol. 44. No. 5. Pp. 834–859.

İşçi O. *Russophobic Neutrality: Turkish Diplomacy, 1936–1945*. PhD Thesis. Washington, 2014.

İşçi O. *Turkey and the Soviet Union During World War II. Diplomacy, Discord and International Relations*. London: I.B. Tauris, 2019.

İşçi O. Yardstick of Friendship: Soviet-Turkish Relations and the Montreux Convention of 1936. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2020(1). Vol. 21. No. 4. Pp. 733–762.

İşçi O. The Massigli affair and its context: Turkish foreign policy after the Molotov–Ribbentrop pact. *Journal of Contemporary History*. 2020(2). Vol. 55(2). Pp. 271–296.

İşçi O. Turkey at the Crossroads: The Soviet Threat and Postwar Realignment, 1945–1946. *Diplomatic History*. 2023. Vol. 47. Issue 4. Pp. 621–646.

Kurat A.N. *Türkiye ve Rusya. XVIII. Yüzyıl Sonundan Kurtuluş Savaşına Kadar Türk-Rus İlişkileri (1798–1919)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2011.

Müdderrisoğlu A. *Kurtuluş Savaşının Mali Kaynakları*. Ankara: AKDITYK Atatürk Araştırma Merkezi, 2013.

Stefanos Y. *Kurtuluş Savaşında Türk-Sovyet İlişkileri (1917–1923)*. İstanbul: Boyut Yayın Grubu, 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НАУМКИН Виталий Вячеславович – академик РАН, научный руководитель, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Vitaly V. NAUMKIN, Full Member of RAS, President, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

СКОРОСПЕЛОВ Петр Петрович – директор Российского государственного архива социально-политической истории, Москва, Россия.

Pyotr P. SKOROSPELOV, Director, Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow, Russia.